

ПРОБЛЕМА ЗАВИСИМЫХ ОДНОСТОРОННИХ АКТОВ ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Е. В. Коннова

В последние десятилетия широкое распространение как средство осуществления межгосударственного сотрудничества приобрели односторонние акты государств. В 2006 г. принятием *Руководящих принципов, применимых к односторонним заявлениям государств, способных привести к возникновению юридических обязательств*, закончилась работа Комиссии международного права ООН над темой «Односторонние акты государств». Сегодня некоторые ученые уже называют односторонние акты государств источником международного права¹. В связи с этим особое значение приобретает вопрос, какие именно акты могут быть отнесены к этому понятию, а какие не относятся к этой категории, хотя и сближаются с ней по формальным признакам.

Говоря об односторонних актах государств, ученые включают в это понятие целый ряд различных по своей природе актов. Помимо обещания, признания, протеста и отказа, к односторонним актам причисляют также декларацию, нотификацию, некоторые акты внутреннего законодательства (например, касающиеся вопросов гражданства, установления границ территориальных вод), ультиматум, разрыв дипломатических отношений и т. д. Кроме того, в международно-правовой литературе при рассмотрении односторонних актов упоминаются акты, которые явно относятся к договорной сфере: присоединение к договору, оговорка к нему, его прекращение, выход из договора, а также декларации государств о признании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН.

Между тем далеко не все эти акты отвечают критериям одностороннего акта государства в строгом смысле этого слова, подчиняясь правовым

¹ См.: Мельник С. О. Односторонні акти держав у сучасному міжнародному праві: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Київ: Інститут держави і права ім. В. М. Корецького, 2007. – С. 6; Шумилов В. М. Международное право. – М.: ТК Велби, 2007. – С. 118; Degan V. D. Sources of International Law. The Hague, etc.: Brill Academic Pub., 1997; Goodman C., «Acta Sunt Servanda? A regime for the unilateral Acts of States at International Law» // Paper, presented at the 2005 ANZIL Conference [Electronic resource]. Mode of access: <<http://law.anu.edu.au/cipl/Conferences&SawerLecture/Papers/Goodman>>. – Date of access: 15.04.2006. – С. 4–5; Ruzie D. Droit international public. Paris: Editions Dalloz, 1992. – P. 49.

режимам, совершенно отличным от того, который применим к строго односторонним актам государств. В связи с этим многие ученые обращают внимание на необходимость разграничения собственно односторонних актов и актов, которые являются односторонними лишь по формальному признаку. Для проведения такого разграничения обычно используется критерий самостоятельности акта, его независимости от других проявлений воли. На основании этого критерия все односторонние акты делятся на зависимые (несамостоятельные, формально) односторонние акты и независимые (самостоятельные, автономные, «чисто» или строго) односторонние акты. По мнению некоторых авторов, отмечает польский юрист К. Скубижевски, только эти последние и являются истинно односторонними актами¹. Российский ученый Р. А. Каламкарян более категорично утверждает, что «все юристы-международники констатируют, что только «независимые односторонние акты» ... могут быть названы односторонними актами»². Мы разделяем подобную точку зрения и полагаем, что критерий независимости акта от других проявлений воли необходимо использовать для отграничения зависимых односторонних актов от односторонних актов в строгом смысле этого слова – актов, которые действительно отвечают всем требованиям, предъявляемым доктриной к одностороннему акту государства. В то же время обычным в международно-правовой литературе является использование этого критерия для проведения классификации самих односторонних актов государств.

Так, Р. Меди (Франция), Ф. Пфлюгер (Швейцария), Х. Л. Б. Гонсалес и Л. Р. Г. Брош (Куба) в предлагаемых ими классификациях односторонних актов делят их на самостоятельные и несамостоятельные (независимые и зависимые). При этом Р. Меди под самостоятельными актами понимает односторонние проявления воли, не связанные с договором или обычаем (декларация, признание, протест, отказ, обещание). Несамостоятельные акты, по его мнению, – это акты процедурного характера, которые используются в разработке и применении норм договорного и обычного права (например, денонсация договора, формулирование оговорки к нему)³.

Х. Л. Б. Гонсалес и Л. Р. Г. Брош под несамостоятельными актами понимают такие акты, которые вызывают юридические последствия только в соединении с другими одно- или многосторонними актами (принятие и предложение, оговорка, признание обязательной юрисдикции Междуна-

¹ Skubiszewski K., «Les Actes Unilateraux Des Etats» // Droit international: Bilan et perspectives. – Paris: UNESCO; Dordrecht; Boston; London: M. Nijhoff, 1991. – P. 233.

² Каламкарян Р. А. Международно-правовое значение односторонних актов государств в международном праве. – М.: Наука, 1984. – С. 34.

³ Mehdi R. Cours de droit international public [Электронный ресурс]. – Режим доступа: perso.orange.fr/ceric/enseignements/archives/dipI2003.pdf. – P. 34–36.

родного Суда ООН). Что касается самостоятельных односторонних актов и правовых последствий, которые они влекут, то для их существования не требуется никаких других односторонних или многосторонних актов (в качестве примеров таких актов эти ученые приводят нотификацию, признание, протест, отказ и обещание)¹.

Ф. Пфлюгер делит односторонние акты на самостоятельные и несамостоятельные по критерию их независимости от других юридических фактов. В этой классификации он выделяет также главные и дополнительные односторонние акты. При этом дополнительные – это «те акты, с помощью различных комбинаций которых осуществляется главный акт» (например, предложение и принятие, ратификация, присоединение, оговорка – акты, которые являются образующими элементами договорных актов). Под главным актом, напротив, следует понимать «зачастую являющийся составным международно-правовой акт, который в своей целостности не зависит от других юридических фактов»².

Схожую, но более детальную классификацию предлагает Ф. Бербер, который также подразделяет все юридические акты на самостоятельные (к ним он относит признание, декларацию, нотификацию, протест, отказ, оговорку, отзыв, согласие), зависимые (предложение и принятие, присоединение, возражение, денонсация, ратификация и т. д.), а также правовые действия, правовые последствия которых не зависят от воли участников (оккупация, дереликция, капитуляция, установление дипломатических отношений и др.)³.

Рассмотренные классификации вызывают ряд критических замечаний. На наш взгляд, ряд актов, предложенных авторами в качестве примеров самостоятельных односторонних актов (декларация, нотификация, оговорка, отзыв, согласие), должны быть отнесены к категории зависимых актов либо не должны считаться юридическими актами вообще.

Так, например, декларация является внешней формой проявления одностороннего акта. Правовые последствия вызывает не сама декларация, а тот акт, который в ней содержится, это может быть и признание, и обещание, и протест, и любой другой юридический акт. В отношении нотификации можно высказать схожие замечания. Представляется верной точка зрения Ж.-П. Жаке (Франция), который утверждает: «Нотификация представляет собой лишь внешнюю форму, позволяющую довести акт до сведения третьих государств... Часто являясь условием действительности од-

¹ *Gonzalez J., Broche L.* Los Actos Unilaterales y su aplicacion en Cuba / Realidad juridica. – 2006. – Vol. 7. – № 1 // <http://realidadjuridica.uabc.mx/realidad/contenido-unilat.html>.

² *Pflueger Fr.* Die einseitigen Rechtsgeschaefte im Voelkerrecht. Zuerich: Schulthes & Co, 1936. – S. 65.

³ *Berber F.* Lehrbuch des Voelkerrechts. – Munich, 1960. – Bd. 1. – S. 406.

ностороннего акта, нотификация сама по себе не является односторонним юридическим актом»¹. Как отмечают У. Тьерри, С. Сюр и Ж. Комбако (Франция), нотификация является «письменной процедурой, формальным аспектом акта, которым соответствующим сторонам сообщается о документе, могущем иметь любое содержание...»².

Кроме того, как отмечалось выше, критерий независимости акта от других проявлений воли необходимо использовать не для проведения классификации односторонних актов, а для отграничения тех актов, которые действительно могут считаться односторонними, от схожих явлений. На независимость как на отличительную черту односторонних актов указывал Специальный докладчик КМП по теме «Односторонние акты государств» В. Р. Седеньо: «Односторонние акты не зависят от какого-либо предшествующего акта, т. е. от имевшего место ранее волеизъявления, хотя, разумеется, любой односторонний акт имеет обоснование в международном праве»³. В связи с этим мы разделяем точку зрения Р. А. Каламкаряна и Э. Соя (Бельгия), согласно которой включение в классификацию зависимых односторонних актов неоправданно расширяет понятие одностороннего акта⁴, поскольку зависимые односторонние акты не отвечают всем требованиям, предъявляемым международно-правовой доктриной к одностороннему юридическому акту.

Так, например, если исходить из формального критерия, то, будучи односторонним проявлением воли, как односторонний акт в международном праве выступает присоединение к договору. В то же время согласно ст. 15 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. присоединение может выражать согласие государства на обязательность для него договора при условии, что это предусмотрено в самом договоре, что иным образом установлено, что участвующие в переговорах государства договорились о такой возможности или если участники впоследствии договариваются о такой возможности⁵; иными словами, для того, чтобы этот акт

¹ *Jacque J.-P.*, *Éléments pour une théorie de l'acte juridique en droit international public.* – Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1972. – P. 335–336.

² См.: Четвертый доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригес Седеньо: докл. ООН А/CN.4/519. Женева: ООН, 2001. – С. 56.

³ Третий доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригес Седеньо: докл. ООН А/CN.4/505. Женева: ООН, 2000. – С. 12.

⁴ *Каламкарян Р. А.* Указ. соч. – С. 34; *Suy E.*, *Les actes juridiques unilatéraux en droit international public*, These ... docteur es sciences politiques. – Paris, 1962. – С. 36.

⁵ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Действующее международное право: в 3 т. – М.: Изд-во Моск. независ. ин-та междунар. права, 1999. – Т. 1. – С. 348.

мог вызвать юридические последствия, необходимо согласие на это договаривающихся государств либо участников договора.

Таким образом, присоединение к договору можно рассматривать как принятие предложения заключить договор. Как правильно отмечает Р. А. Каламкарян, в случае присоединения к закрытой конвенции речь шла бы о принятии несуществующего предложения¹. Поэтому становится очевидным, что присоединение к договору является частью согласительной процедуры, на которой основываются все договорные нормы. По мнению итальянского ученого Дж. Балладоре-Паллиери, «присоединение к договору ... несомненно, обладает договорным характером»².

Российский юрист М. П. Лозовик обращает внимание на другой аспект взаимоотношения присоединения к договору и односторонних актов государств. Он считает, что главное отличие международного акта, направленного на выражение согласия на обязательность международного договора (каковым является, в частности, присоединение к договору), от международного одностороннего юридического акта состоит в том, что согласие государства на обязательность для него договора не устанавливает юридически обязательных правил поведения³ в отличие от односторонних актов государств, которые могут являться источником новых прав и обязательств. Учитывая вышеизложенное, полагаем, что присоединение к договору следует относить к зависимым односторонним актам, которые, не будучи способными самостоятельно вызывать международно-правовые последствия, не подпадают под определение односторонних актов *stricto sensu*.

С этих же позиций следует рассматривать такие формально односторонние акты, как подписание договора, его ратификация, принятие или утверждение, денонсация или выход из договора. Что касается оговорки, также относящейся к договорной сфере, то здесь имеются определенные особенности, требующие рассмотрения.

Дело в том, что в ряде международных договоров закреплено понятие оговорки как «одностороннего заявления»⁴. В Комиссии международного

¹ Каламкарян Р. А. Указ. соч. – С. 24.

² Balladore-Pallieri G. La formation des traités dans la pratique internationale contemporaine. – Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye. 1949-I. – P. 519.

³ Лозовик М. П. Согласие государства на обязательность для него международного договора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 5.

⁴ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (ст. 2 п. 1 (d)); Конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 марта 1986 г. (ст. 2 п. 1 (d)); Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров от 23 августа 1978 г. (ст. 2 п. 1 (j)) // Действующее международное право : в 3 т. – М.: Изд-во Моск. независ. ин-та междунар. права, 1999. – Т. 1.

права при обсуждении темы «Оговорки к международным договорам» подчеркивалось, что определение, данное в конвенциях, прямо указывает на односторонний характер оговорок¹. Причем «несовместимая с венским режимом» (по мнению А. Пеле (Франция)) «договорная» концепция оговорок, предполагающая, что речь идет о договоренности между сторонами, в соответствии с которой они ограничивают действие договора в его применении в отношении одного или нескольких из них, предложенная Дж. Брайерли (Великобритания) при разработке КМП Конвенции о праве международных договоров 1969 г., была отклонена².

Нисколько не оспаривая признак «односторонности» оговорок с формальной точки зрения, отметим, что оговорку все же нельзя считать односторонним актом государства в строгом смысле этого слова. Оговорки, несомненно, влекут определенные международно-правовые последствия, исключая или изменяя юридическое действие определенных положений договора. Тем не менее для того, чтобы определить, можно ли считать оговорку односторонним актом *stricto sensu*, необходимо ответить на вопрос, самостоятельно ли волеизъявление государства, заявляющего оговорку, в порождении таких последствий.

Для этого обратимся к положениям Венской конвенции 1969 г., которая в ст. 20 и ст. 21 регламентирует порядок принятия оговорок и возражений против них. В п. 2 ст. 20 рассмотрены случаи, когда оговорка требует принятия всеми участниками договора. Очевидно, что в таких случаях оговорка не может считаться односторонним актом в строгом смысле этого слова, поскольку последний не требует принятия его другими государствами. Согласно п. 1 ст. 20 «оговорка, которая определено допускается договором, не требует какого-либо последующего принятия другими договаривающимися государствами, если только договор не предусматривает такого принятия». Однако и в этом случае оговорка не может считаться односторонним правовым актом *stricto sensu*, так как для наступления юридических последствий она аналогичным образом требует вмешательства другого волеизъявления (которое закреплено в договоре в положениях, допускающих такую оговорку). Наконец, п. 4 (а) ст. 20 устанавливает правило, согласно которому в иных случаях «принятие оговорки другим договаривающимся государством делает государство, сформулировавшее оговорку, участником этого договора по отношению к принявшему оговорку государству...», при этом в соответствии с п. 1 ст. 21 оговорка изменяет положения договора, к которым она относится, в пределах сферы ее дейст-

¹ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятидесятой сессии. Генеральная Ассамблея: докл. ООН А/53/10. – Нью-Йорк: ООН, 1998. – С. 159.

² Там же.

вия в отношениях между формулирующим оговорку государством и государством, принявшим ее. Что же касается договаривающегося государства, возражающего против оговорки, то если при этом такое государство не возражает против вступления договора в силу между этим государством и государством, формулирующим оговорку, такой договор вступит в силу (п. 3 (b) ст. 20), но положения, к которым относится оговорка, применяться между этими двумя государствами не будут (п. 3 ст. 21).

Таким образом, налицо согласительная природа юридических последствий оговорок: положения договора, подвергшиеся изменениям в результате оговорки, применяются только в отношениях с государствами, принявшими такую оговорку. В связи с этим в международно-правовой доктрине довольно распространена трактовка оговорки как «контрпредложения», которое должно быть принято другими государствами, прежде чем возымает юридическую силу¹.

Можно возразить, что даже не принятая ни одним государством оговорка все же вызывает международно-правовые последствия, если ее целью является исключение юридического действия определенных положений договора в отношении государства, формулирующего оговорку. Полагаем, что и в данном случае оговорка выступает как элемент согласительной процедуры, представляя собой выражение согласия на обязательность договора как бы не в полном объеме.

Таким образом, считаем, что оговорку нельзя относить к односторонним актам в строгом смысле этого слова, поскольку она не отвечает в полной мере критерию независимости акта от других проявлений воли. Пользуясь этим же критерием, предлагаем исключить из понятия «односторонний акт государства» другую категорию актов, на природу которых в доктрине международного права имеются различные взгляды, а именно односторонние декларации государств о признании ими обязательной юрисдикции Международного Суда ООН. Дело в том, что международно-правовые последствия в виде установления юрисдикции Суда, по нашему мнению, вызываются не самой декларацией (которая, как и рассмотренные нами выше акты, обладает формальным признаком одностороннего акта, представляя собой проявление воли, исходящее от одного субъекта международного права), а своего рода соглашением, которое формируется государствами путем подачи таких деклараций².

¹ *Bishop W. W. Jr.*, Reservations to treaties // *Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye*. 1961-II. – P. 251.

² Подробнее об этом см.: *Коннова Е. В.* Односторонние декларации государств о принятии обязательной юрисдикции Международного Суда ООН в контексте односторонних актов государств // *Материалы VI Междунар. науч. конф. «Беларусь в современном мире»*, Минск, 30 окт. 2007 г. – Минск: БГУ, 2007. – С. 110–112.

Подобной точки зрения придерживается белорусский юрист-международник А. В. Величковский, который обращает особое внимание «на договорный характер деклараций о признании», отмечая, что «подобная декларация ... вовлекает данное государство во множество двусторонних договорных отношений особого рода между этим государством и другими государствами, сделавшими аналогичные декларации»¹.

Английский ученый Х. Лаутерпахт говорит о том, что, хотя декларации в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута «не во всех отношениях тождественны с договором», «они по существу являются договором», поскольку устанавливают взаимные права и обязательства. По его мнению, «ситуация существенно не отличается от таковой, складывающейся в результате присоединения к договору»².

Договорной характер деклараций о признании юрисдикции Международного Суда ООН находит подтверждение в ряде решений самого Суда. Так, относительно дела *о военной и полувоенной деятельности в Никарагуа и против нее* (Никарагуа против США) в 1984 г. Суд пояснил, что «по сути, такие декларации, хотя и являются односторонними актами, устанавливают ряд двусторонних связей с другими государствами, которые принимают на себя такое же обязательство в отношении обязательной юрисдикции»³. В деле *о некоторых норвежских займах* (Франция против Норвегии, 1957 г.) Суд обусловил свою юрисдикцию наличием «двух односторонних деклараций» и отметил, что обладает юрисдикцией «лишь в той степени, в которой декларации совпадают»⁴. В решении по делу *о праве прохода через территорию Индии* в 1957 г. (Португалия против Индии) Международный Суд также указал, что из факта депонирования декларации «устанавливаются договорные отношения между сторонами и обязательная юрисдикция Суда, которая отсюда вытекает»⁵.

Таким образом, хотя декларации о признании обязательной юрисдикции Международного Суда и выступают формально односторонними актами, в строгом смысле этого термина они таковыми не являются. Международно-правовые последствия вытекают не из факта подачи такой декла-

¹ Величковский А. В. Оговорки к односторонним декларациям о признании юрисдикции Международного Суда ООН // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2002. – № 1. – С. 14.

² Lauterpacht H. The development of international law by the International Court. – L.: Stevens & Sons Lim., 1958. – P. 345–346.

³ Military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua vs. United States of America), Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports, 1984. – P. 418.

⁴ Case of Certain Norwegian Loans, Judgement of July 6th, 1957: I.C.J. Reports, 1957. – P. 23.

⁵ Case concerning right of passage over Indian territory (Preliminary Objections), Judgement of November 26th, 1957: I.C.J. Reports, 1957. – P. 146.

рации, а из договорных связей, которые возникают в результате депонирования таких деклараций несколькими государствами.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что все рассмотренные нами акты, относящиеся к договорной сфере, следует считать зависимыми односторонними актами, не подпадающими под определение одностороннего юридического акта *stricto sensu*. Считаем также, что в категорию зависимых односторонних актов следует включить акты, которые по своей сути представляют собой исполнение норм, содержащихся в уже существующих международно-правовых актах, а также, пользуясь терминологией Ф. Бербера, «правовые действия, юридические последствия которых не зависят от воли участников»¹, вызывающие уже предусмотренные международным правом режимы.

Как совершенно верно указывает французский исследователь П. Рейтер, такие акты (например, установление границ территориальных вод, декларация об аннексии, нотификация о блокаде и т. д.) не вызывают никаких юридических последствий, кроме тех, что уже предусмотрены общими нормами международного права². То же самое можно сказать и в отношении установления или разрыва дипломатических отношений, занятия *terra nullius*, противоправных действий и т. п. Не вызывая самостоятельных правовых последствий, эти акты не соответствуют всем критериям, предъявляемым к одностороннему акту *stricto sensu*, и могут быть отнесены к категории зависимых односторонних актов.

Таким образом, можно говорить о существовании в международном праве категории зависимых актов, которые являются односторонними лишь формально и должны быть исключены из понятия «односторонний акт государства» в строгом смысле этого слова, поскольку не отвечают критериям независимости проявления воли и самостоятельности вызываемых международно-правовых последствий и подчиняются другим международно-правовым режимам.

¹ Berber F. Op. cit. – P. 406.

² Reuter P. Principes de droit international public // Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye. 1961-II. – P. 576.